

Агата

Автор:

Анне Катрине Боман

Агата

Анне Катрине Боман

Роман Анне Катрине Боман “Агата” переносит нас во Францию сороковых годов. Пожилой психотерапевт, устав от полувековой практики, собирается на пенсию. Он буквально считает дни до будущей свободы. Но тут к нему на терапию записывается новая клиентка, и стройный план начинает рушиться. Анне Катрине Боман, сама практикующий психолог, непринужденно развинчивает тайные механизмы человеческих отношений и свинчивает их в новые конструкции. Именно за эту непринужденность, присущую “Агате” – маленькому роману о большом чувстве, – Боман и была удостоена итальянской премии *Scrivere per Amore*, которую вручают произведениям о любви. При всей своей легкости и изяществе роман говорит о глубинных и в той или иной мере знакомых каждому экзистенциальных переживаниях – в частности, о предательски возникающем иногда чувстве одиночества и ощущении бессмысленности абсолютно всего. Неуживчивость главного героя, его метания между свободой и привязанностью к людям кому-то напомнят старика Уве из романа Бакмана, а кого-то заставят вспомнить “Невыносимую легкость бытия” Кундеры. Роман “Агата” переведен почти на тридцать языков.

Анне Катрине Боман

Агата

Эта книга представляет собой творческий вымысел.

Персонажи и их имена – плод фантазии автора, и какое-либо сходство с ныне живущими или ранее жившими реальными людьми случайно.

Издание осуществлено при поддержке Danish Arts Danish Arts Foundation Foundation

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

© Anne Cathrine Bomann 2017 by Agreement with Grand Agency

© А. Ливанова, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО “Издательство АСТ”, 2021

Издательство CORPUS ®

Matema

Если выйти на пенсию, когда мне исполнится 72 года, то тогда мне остается работать пять месяцев. Это равняется 22 неделям, и если все пациенты в назначенное время явятся, значит, мне предстоит провести ровно 800 сеансов. Разумеется, если кто-нибудь отменит визит или заболеет, то меньше. Хоть какое-то утешение.

Квадраты

Это случилось, когда я выглянул в окно своей гостиной. На ковер четырьмя вытянутыми четырехугольниками легло весеннее солнце и медленно, но неуклонно поползло по полу к моим ногам. Возле меня на столе лежало нераскрытым первое издание La pausee[1 - Тошнота (франц.)], за которое я годами пытался заставить себя приняться. У девочки были худые и бледные ноги, и меня удивило, что ей так рано по весне разрешают гулять в одном платье. Она начертила на тротуаре классики и прыгала, глубоко сосредоточившись, сначала на одной ножке, потом на обеих, потом снова на одной. Волосы собраны в два крысиных хвостика; на вид ей было лет семь, она жила с матерью и старшей сестрой в доме четыре дальше по улице.

Возможно, людям я кажусь самобытным философом, проводящим дни напролет у окна в наблюдениях над значительно более важными вещами, чем бита для игры в классики или движение солнца по ковру. Но нет. На самом деле я глазел в окно, потому что не нашел себе лучшего занятия, ну и к тому же нечто жизнеутверждающее звучало в триумфальных возгласах, временами доносившихся до меня, когда девочке удавалось выполнить особенно сложную комбинацию прыжков.

Посидев так некоторое время, я встал налить себе чашку чаю, а когда вернулся на свой пост, девочки уже не было. Наверное, она затеяла более увлекательную игру в другом месте, подумал я; мелок с битой валялись посреди дороги.

Вот тогда-то это и произошло. Я как раз поставил чашку на подоконник, чтобы чай немного остыл, прикрыл колени пледом – и тут краем глаза заметил, как что-то упало. Мне удалось вновь вернуть свое негнущееся тело в вертикальное положение и приблизиться вплотную к окну ровно в тот момент, когда раздался пронзительный крик. Она лежала у подножия дерева справа от дороги, там, где от нее ответвляется тропинка к озеру. В ветвях дерева я разглядел кошку, бившую хвостом. Девочка сумела сесть, прислонившись спиной к стволу, и рыдала, обхватив руками лодыжку.

Я отпрянул за косяк окна. Может, надо подойти к ней? Последний раз я разговаривал с детьми, когда сам был ребенком, так что это не считается. Не расстроится ли она еще больше, если перед ней вдруг возникнет и станет ее утешать незнакомый дядька? Я снова украдкой выглянул в окно; она все так же сидела в траве, подняв заплаканное лицо кверху и глядя на что-то вдалеке за моим домом.

Только бы меня никто не увидел. Какой же он врач, сказали бы люди, стоит себе пялиться и ничего не предпринимает? Поэтому я взял свою чашку, ушел на кухню и сел там за стол. Хотя я повторял себе, что девочка и сама встанет и потихоньку доскачет до дома на одной ноге и что все с ней хорошо, но часы шли, а я так и прятался на собственной кухне. К тому времени, когда я наконец пробрался назад в гостиную и, таясь за занавеской, выглянул наружу, мой чай остыл и подернулся мутной пленкой. Девочки, разумеется, на дороге уже не оказалось.

Следы

Мадам Сюррюг, сколько работала на меня, приветствовала меня каждое утро одинаково. Когда я ступал в дверь, она покидала свое место за массивным письменным столом красного дерева, где восседала, как королева на троне, и выходила принять от меня трость и пальто, а я клал шляпу на полку выше ряда крючков. Попутно мадам Сюррюг перечисляла, что ожидает меня в этот день согласно рабочему календарю, а под конец протягивала стопку медицинских карточек, которые обычно хранились в строгом порядке на стеллажах, занимавших всю стену позади стола. Мы обменивались еще парой слов, после чего я, как правило, не видел ее до 12 часов 45 минут, когда я покидал кабинет и выходил пообедать в посредственный ресторан неподалеку.

Когда я возвращался, то всегда заставал ее ровно в той же позе, в какой она сидела, когда я уходил; иногда я задумывался, ест ли она вообще. Запахов еды не чувствовалось, и я никогда не видел ни крошки под ее столом. Требуется ли вообще мадам Сюррюг питание, чтобы жить?

Тем утром она сообщила мне, что звонила одна женщина, немка; она хотела зайти к нам попозже, записаться на прием.

– Я поговорила о ней с доктором Дюраном. Он сообщил, что несколько лет назад ее госпитализировали в Сен-Стефан в выраженном маниакальном состоянии после попытки самоубийства.

– Нет, – сказал я решительно, – придется ей отказать. Ее лечение займет годы.

– Доктор Дюран тоже считает, что было бы лучше снова ее госпитализировать, но она, очевидно, настаивает на том, чтобы лечиться у вас. Я вполне могу найти для нее время в вашем расписании.

Мадам Сюррюг вопросительно посмотрела на меня, но я покачал головой.

– Нет, так не пойдет. Будьте добры, попросите ее обратиться за помощью к другому специалисту.

К тому времени, когда я собирался отойти от дел, стаж моей деятельности в качестве практикующего врача составил бы полстолетия, этого более чем достаточно. Новая пациентка была мне совершенно ни к чему.

Мадам Сюррюг задержала на мне взгляд еще на мгновение, но затем, не став развивать тему, продолжила перечисление предстоящих на день дел.

– Хорошо, спасибо, – сказал я, принял из ее рук стопку карточек и прошел к себе в кабинет.

Вход в него располагался в противоположном конце просторной приемной, где царствовала мадам Сюррюг и сидели пациенты в ожидании своей очереди. Таким образом, когда я работал, меня не беспокоили ни стук пишущей машинки моей секретарши, ни ее разговоры с пациентами.

Первая пациентка, сухонькая женщина по имени мадам Гэнсбур, уже прибыла, она сидела в приемной и листала один из журналов, которые иногда приносила с собой мадам Сюррюг. Я вздохнул чуть излишне глубоко и напомнил себе, что когда пациентка уйдет, мне останется всего 753 беседы.

Ничего достойного внимания не происходило, пока я не вернулся в лечебницу после обеда. Я едва не сбил с ног мертвенно-бледную хрупкую женщину, стоявшую прямо за дверью, и извинился за свою неуклюжесть. Глаза женщины

казались огромными на тонком лице, обрамленном темными волосами.

– Ну что вы, это же я встала где не надо, – сказала она, проходя вглубь приемной. – Я пришла записаться на прием.

Она говорила с выраженным акцентом, и я догадался, что это, должно быть, та самая немка. К груди она прижимала папку с эмблемой клиники Сен-Стефан.

– Боюсь, это невозможно, – ответил я, но женщина торопливо шагнула мне навстречу и проникновенно заговорила:

– Для меня очень важно попасть на прием. Я не хотела бы доставлять вам беспокойство, но больше мне некуда идти. Помогите мне, пожалуйста.

Я непроизвольно сделал шаг назад. Ее карие глаза блестели как в лихорадке, их взгляд был столь пронзительным, что казалось, будто она вцепилась в меня руками. Было совершенно ясно, что потом от нее не отделаться без борьбы, а у меня уже не было на это ни времени, ни сил. Я двинулся к мадам Сюррюг, выдавливая из себя натужную приветливую улыбку.

– Прошу, пройдемте со мной, – сказал я, обходя женщину сбоку и направляясь к письменному столу, – и мой секретарь всё подробно вам разъяснит.

В том, что эта женщина вообще у нас появилась, была виновата мадам Сюррюг, так что пусть теперь сама ее и отваживает.

Женщина, к счастью, послушно двинулась за мной. Я пропустил ее вперед и припарковал перед мадам Сюррюг, одарив последнюю многозначительным взглядом.

Левая бровь моей секретарши приподнялась на несколько миллиметров.

– Будьте любезны, займитесь дамой, мадам Сюррюг, – попросил я, чопорно кивнул на прощанье и поспешил укрыться в кабинете.

Но образ бледной женщины не отпускал меня, и весь остаток дня каждый раз, когда я открывал дверь, мне мерещилось, будто оставшиеся в воздухе следы ее

духов пылинками взмывают вверх.

Шум

Время протекало сквозь меня как вода сквозь ржавый фильтр, который не удосужатся сменить. Как-то свинцово-серым дождливым днем я без тени заинтересованности провел семь сеансов; оставался только один пациент, потом можно было отправляться домой.

Заходя вслед за мадам Алмейдой в кабинет, я взглянул на свою секретаршу. Она сидела за аккуратно убранном столом совсем тихо, не поднимая глаз от столешницы. Чертежная лампа отбрасывала ее окаменевшую тень на стену позади, и мадам Сюррюг выглядела такой несчастной, что меня потянуло заговорить с ней. Но что я ей скажу? Вместо этого я затворил дверь у себя за спиной и повернулся к своей пациентке.

Мадам Алмейда была чуть ли не на голову выше меня и потому всегда выглядела весьма внушительно; резкими движениями она освободилась от зонта и плаща и устроилась на кушетке. Расправив юбку цвета блевотины, она с укоризной взглянула на меня через маленькие очки, балансировавшие на самом кончике ее крючковатого носа.

– Эта неделя прошла ужасно, доктор, – заявила она, укладываясь поудобнее. – Я стала такой вспыльчивой. Я уверена, это всё от нервов, я так и сказала Бернару – Бернар, сказала я, ты меня нервируешь, целыми днями сидишь, кресло просиживаешь, тебя с места не сдвинешь!

Мадам Алмейда всегда была нервной, светлых периодов в ее существовании не наблюдалось. Не похоже было, чтобы терапия ей хоть сколько-нибудь помогала, и все же она дважды в неделю неизменно решительным шагом заявлялась сюда и распекала меня. Казалось, сама мысль о возможности лучшего существования выводила ее из себя, и, честно говоря, трудно было понять, зачем она вообще ко мне ходит. В обычном случае я просто давал ей выговориться, но время от времени вставлял замечание или пытался истолковать ее поведение, однако все это она полностью игнорировала.

– ...и тут она заявила, что я задолжала ей три франка с прошлой недели, можете вы себе представить такую наглость! Меня это потрясло до глубины души, я чуть в обморок не упала прямо в магазине, но уж я ей ответила.

Многолетний опыт помогал мне бормотать что-нибудь в нужных местах, даже не слушая, и если удача была на моей стороне, за сеанс я не воспринимал ни слова из сказанного ею.

Я опустил глаза на блокнот и увидел, что в чистой фрустрации проткнул бумагу кончиком карандаша. И я принялся рисовать одну из своих карикатурных птиц.

– Потому что хоть мои нервы и расшатаны, но я такой дерзости не потерплю, вот что я вам скажу! – почти кричала мадам Алмейда.

Дождь за окном припустил теперь так, что разглядеть можно было только расплывчатые очертания, и, к несчастью, стук капель по стеклу лишь побуждал мою пациентку говорить еще громче обычного. Я, очевидно, обязан терпеть пустословие, подумал я с тоской и сосредоточил взгляд на участке кожи у нее на макушке, где волосы подозрительно поредели. Я позлорадствовал, представив себе, что она лысеет и что в таком случае я узнаю об этом намного раньше, чем она сама, и тут же дополнил свой рисунок. Я вообразил, как она однажды случайно увидит свое отражение сзади, оказавшись между зеркалом и окном, и как она будет толстыми пальцами лихорадочно щупать голову, раздвинет волосы, обнаружит голую кожу и завопит: – Бернар! Почему ты мне ничего не говорил, Бернар?

И так, ни шатко ни валко, прошел час человеческой жизни. Мадам Алмейда поблагодарила за беседу, я, предусмотрительно перевернув блокнот, чтобы она не заметила лысого страуса, придержал перед ней дверь.

Осталось 688 сеансов. У меня было чувство, что 688 из них явно лишние, я и одного не вынесу.

Фиксация наблюдений

Как-то утром, спустя несколько дней, мне пришлось перебить мадам Сюррюг, зачитывавшую мне мое расписание:

– Пойдите, что вы такое говорите?

Вы что, записали-таки немку на прием?

Она склонила голову в решительном однократном кивке.

– Да, она была очень настойчива, должна я сказать. Она твердо решила пройти терапию и, по всей видимости, слышала о вас хорошие отзывы.

Я фыркнул: с каких пор это служит достаточным основанием для игнорирования моих указаний?

– Я ей объяснила, что вы будете вести прием еще полгода. Ее это полностью устраивает, и мне показалось, что вообще-то глупо было бы ей отказать.

Она была права. Если немка на самом деле довольствуется одним полугодием, то нет ничего неэтичного в том, чтобы принять ее на лечение, к тому же мне совсем не помешали бы лишние деньги. И все же я никак не мог справиться с раздражением. Как посмела мадам Сюррюг ровно наперекор высказанным мной пожеланиям втиснуть еще одного человека в ту жизнь, которую я пытался избавить от присутствия других людей?

Но женщина, которую, как выяснилось, звали Агатой Циммерманн, была уже записана на 15 часов следующего дня, и я не видел возможности что-то с этим поделаться.

—

Когда приемную покинул последний пациент, я вышел к мадам Сюррюг, которая как раз собирала свои вещи. Она взглянула на меня словно в поисках чего-то и спросила, трудный ли у меня выдался день. Я пожал плечами и сказал, что он был таким же, как и многие другие до него. Вообще-то я был все еще сердит на нее, но все-таки подождал, пока она соберет вещи и наденет жакет, чтобы придержать перед ней дверь.

– Спасибо, – сказала она и вышла под едва морозящий дождь.

Я кивнул, запирая за нами дверь.

– Спасибо вам. До свидания.

– До свидания, месье. До завтра.

Когда я поплелся к себе, ноги не хотели меня слушаться. Одна, представлялось мне, хотела поскорее доставить меня домой, где я съел бы пару бутербродов, уселся в любимое кресло, пристроив ступни на скамеечку, и в ожидании ночи слушал бы Баха. Вторая вела себя беспокойно, напоминая мне о детстве, когда я быстро рос и меня мучили боли в суставах. Коленки так сильно болели, что я расплакался, но отец сказал, едва оторвав глаза от картины, над которой в то время работал: – Ты просто растешь. Это пройдет.

Возможно, ногу тянуло в далекие края. Она никогда не бывала дальше Парижа, никогда не пересекала границ страны. А теперь я стал таким старым, что этому уже не бывать, а боль мучает меня постоянно.

Как бы то ни было, направление пути выбирал я, и я ковылял по вечерней прохладе, пока не добрался до калитки, ведущей в сад дома девять по Рю-де-Розетт. Всю дорогу я непрерывно вдыхал запах свежескопанной земли: многие из моих соседей разбили клумбы и часами высаживали семена и выпалывали сорняки. Сам же я культивировал непокорные островки мха, образовавшие круги в море травы.

Когда я поел и пространство вокруг меня заполнили словно ватой нежные движения скрипок, в голову мне пришли мысли, которые посещали меня все чаще и чаще. И хотя я знал уже и то, что одна такая мысль влечет за собой другую, и то, какое дурное настроение эти мысли на меня навевают, я не пресек эту мысль. Очевидно, я сам желал сидеть в полном одиночестве и жалеть себя. Почему – так это всегда начиналось – никто не рассказывает о том, что происходит с телом, когда человек стареет? Не рассказывает о ноющих

суставах, растянутой коже; о том, что тебя никто не замечает? О том, что когда стареешь, думал я, ощущая накатившую горечь, дело состоит главным образом в том, что собственное я и собственное тело все сильнее отдаляются друг от друга, пока не наступает день, когда человек оказывается совершенно чуждым самому себе. Что в этом прекрасного или естественного?

И как раз когда пластинка закончилась и тишина погрузила меня в полное одиночество, меня осенила сокрушительная догадка: выхода нет. Я буду жить в этой предательской серой тюрьме, пока это не прикончит меня.

Сен-Стефан, Монпелье, 21 июня 1935 г.

Касательно Агаты Циммерманн

Контакт с пациенткой с момента ее поступления сегодняшним утром удавалось установить лишь спорадически, по этой причине часть нижеприведенных сведений перенесена из прежних медицинских карт пациентки.

Анамнез:

Женщина, немка, возраст 25 лет, замужем, приехала во Францию в 1929 г. с целью учебы. В связи со склонностью к самоповреждению, а также с попыткой самоубийства в пятнадцатилетнем возрасте с детства состояла под наблюдением д-ра Вайнриха, терапевта по месту жительства.

Пациентка происходит из зажиточной семьи, состоящей из матери, отца и двух младших сестер. Психических заболеваний среди родственников не зарегистрировано, за исключением тетки со стороны отца, большую часть взрослой жизни проведшей в заведении для душевнобольных в Вене. Отец слеп, однако имеет собственное дело, мать домохозяйка.

На момент поступления:

Пациентка поступает на лечение в клинику с настоящего момента после обращения к постоянному врачу с жалобами на резко подавленное настроение и мысли о самоубийстве. Тем не менее стационарному лечению противится. Поведение истерическое и аффективное, в связи с чем пришлось прибегнуть к насильственной фиксации. Кожные покровы бледные, пациентка истощена, на лице глубокие борозды, местами отсутствует волосяной покров на голове. Пациентка охотно вступает в контакт, но кричит и плачет, оставаясь одна.

Аллергические реакции: не отмечены.

План лечения: в течение суток обсервация, т. к. нельзя исключать психоз (раннее слабоумие). Медикация: на ночь 20 мг хлоргидрата, при необходимости эфир.

Зав. отделением М. Дюран.

Агата I

– Вот мы и снова встретились. Входите, мадам Циммерманн, – приветствовал я немку, пожимая ее слишком холодную руку. На ней были надеты коричневая юбка и бесформенная черная блузка с воротником “поло”, по крайней мере на два размера великоватая для ее исхудалого тела. Ни намек на давешний пронзительный взгляд; сейчас трудно было понять, как она сумела переубедить доктора Дюрана с мадам Сюррюг.

Может, мне удастся от нее отделаться?

– Устраивайтесь, пожалуйста, на кушетке, как вам будет удобно.

Я показал рукой на зеленую софу, а сам сел в глубокое кожаное кресло, коричневое сиденье которого истерлось местами до лоснящейся черноты.

– Спасибо, но прежде всего обещайте, что прекратите называть меня мадам Циммерманн. Зовите меня Агатой, пожалуйста.

Не принято звать замужних пациенток по имени, но вряд ли ей повредит, если я пойду ей навстречу.

– Как пожелаете.

Она коротко улыбнулась и окинула взглядом помещение, в котором, кроме кресла и кушетки, стояли письменный стол с конторским стулом и два высоких стеллажа, полные книг, которые я когда-то коллекционировал и жадно читал. Затем она осторожно села на кушетку, повернулась и, наконец, улеглась на спину.

– Хорошо. Давайте я снова начну с того, что предложу вам обратиться за помощью к другому специалисту, – заговорил я. – Как вам известно, не пройдет и полгода, как я оставлю практику, и, честно говоря, вряд ли я смогу излечить вас за столь короткий срок. Для вашего блага было бы целесообразнее найти врача, который мог бы наблюдать вас необходимое время, может быть, специалиста из Парижа.

Агата резко вернулась в сидячее положение и воскликнула: – Об этом не может быть и речи! Я не лягу в клинику и лекарств принимать не стану; мне нужен человек, с которым я могла бы разговаривать, и я решила, что этим человеком должны быть вы.

Она выпятила подбородок и устремила мне в глаза взгляд, говоривший, что вытащить ее из кабинета я смогу только за волосы. Вздохнув, я кивнул.

– Ну, если вы так хотите...

– Именно!

– Прекрасно. Когда наши встречи подойдут к концу, я могу направить вас к кому-либо из своих коллег, если в этом будет необходимость.

Она пожала плечами, будто показывая, что это ей совершенно безразлично, и снова легла. Быстрым движением вытерла под носом. И больше не шевелилась.

– Тогда, – продолжал я, – я предлагаю следующее: мы будем встречаться для часовых сеансов два раза в неделю, в 15 часов по вторникам и в 16 по пятницам. Далее. Мой гонорар составляет 30 франков в час. В случае, если вы не сможете явиться на сеанс, я вас прошу известить меня об этом, но вам придется оплатить все сеансы, выпадающие на соответствующие часы, пока вы не уведомите меня, что отказываетесь от моих услуг.

Она кивнула. Я снова ощутил аромат ее духов, который пряным облачком коснулся моего носа. Что он мне напоминает?

– Хорошо. Вам следует знать, что вы можете без опаски рассказывать мне обо всем, что вас тревожит. Ни слова из того, что вы мне расскажете, не покинет пределов этой комнаты, а вот ложь и замалчивания лишь замедляют процесс.

Как всегда, я завершил свой короткий монолог фразой, вовлекающей пациента в беседу:

– А теперь мне хотелось бы услышать, что вас беспокоит.

Агата замешкалась, плотно зажмурив глаза.

– Я пришла, – проговорила она со своим отчетливым акцентом, возможно, именно благодаря ему так тщательно выговаривая слова, что ясно слышался каждый слог, – потому что я снова потеряла желание жить. Я не питаю никаких иллюзий относительно того, что могу почувствовать себя хорошо, но мне хотелось бы научиться справляться с повседневностью.

По всей видимости, тут я имел дело со столь редким явлением, как человек, не требующий от меня чудес. Огромное большинство моих пациентов желали помощи в том, чтобы зажить счастливой беззаботной жизнью, но таким товаром я не торгую.

– И что же мешает вам жить нормально? – спросил я.

Агата принялась рассказывать мне о своих симптомах. Она страдала головной болью и экземой, часто плакала, внезапно ее охватывали бурные приступы ярости. Она то спала слишком много, то не спала вовсе и в последнее время не справлялась с работой счетовода у городского аудитора. Получив несколько недель тому назад больничный лист, она проводила дни главным образом за тем, что плакала, кричала на своего мужа Юлиана или лежала на постели, свернувшись калачиком. Я рассеянно выслушивал ее жалобы, пытаюсь сообразить, чем от нее пахнет.

- Бывает, - мечтательно произнесла она, - что я фантазирую о том, как расцарапаю себя до крови или обезображу до неузнаваемости.

Контраст между ее жестокими словами и полным отсутствием мимики был разительный.

- Да?

- Мне так страшно хочется уничтожить свое лицо, я его не заслуживаю.

- Вы бы желали для себя какое-то другое? - спросил я, но она покачала головой.

- Нет. Меня надо просто уничтожить.

Я сделал в блокноте короткую запись и снова вздохнул. Все было так, как я и предвидел: она серьезно больна, и я никак не смогу помочь ей за те несколько месяцев, что нам остаются. Я проклинал свою самоуправную секретаршу; ее стараниями мне теперь навязана упрямая, ментально неуравновешенная женщина, которая, судя по всему, вбила себе в голову, что я смогу спасти ее от нее самой.

- Понимаю, - сказал я все же, - и я приложу максимум усилий, чтобы помочь вам. Давайте закончим на сегодня и увидимся снова в 16 часов в пятницу.

- Спасибо, доктор, - серьезно сказала Агата, подав мне на прощанье руку, - для меня это очень важно.

Сен-Стефан, Монпелье, 20 августа 1935 г.

Касательно Агаты Циммерманн

На данный момент, 08.12, пациентка остановлена в процессе попытки самоубийства при помощи бритвенного лезвия.

Откуда оно у нее, не выяснено. Прежде чем мадам Лине обнаружила пациентку, та успела нанести себе порезы на правое запястье; наложено 8 швов шелковой нитью, которые предстоит удалить через 10-14 дней.

В настоящее время пациентка зафиксирована. Отмена фиксации предусмотрена при стабилизации психического состояния.

С момента поступления в клинику 21 июня пациентка получала лечение вначале эфиром, затем электрошоком. Плакать стала меньше, но ведет себя более апатично, на контакт идет неохотно; отмечаются отдельные приступы истерии. Явных симптомов психоза не выявлено, наблюдения свидетельствуют скорее о маниакально-депрессивном расстройстве.

План лечения:

Продолжение электрошоковой терапии, а также эфир на ночь и в случае припадков. Запрет покидать клинику или принимать посетителей; сохранение режима фиксации, за исключением часов принятия пищи под наблюдением медперсонала. В случае если пациентка будет упорствовать в продолжении анорексического поведения, прибегнуть к процедуре насильственного кормления.

Зав. отделением М. Дюран

Соседские танцы

Мой сосед играл на фортепиано. Не часто, но неумело, и всегда одну и ту же пьесу, как если бы он на самом деле не умел играть, а только разучил наизусть одну мелодию. Я не знал ее названия, но со временем полюбил ее и не раз ловил себя на том, что напеваю ее, убирая за собой после еды или разогревая воду, чтобы заварить чаю.

Вернувшись из лечебницы после особенно долгого и пустого дня, я рано засыпал в своем кресле, убаюканный мешкотным бречением из-за стены того рода, которая разделяет, разумеется, но и создает известную близость. Ведь мы изучили друг друга, сосед и я. Мы прожили бок о бок так много лет, что все едва слышные звуки превратились в рутину, которую мы, не задумываясь, отслеживали – вот настало время обязательного последнего посещения туалета перед сном, вот он проснулся и готовится идти в церковь. Сначала он был в приподнятом настроении, потом погрузился и не находил себе занятия; все это, воображал я, явствовало из того, как его пальцы двигались по клавишам и как временами воцарялась тишина. Однажды выходные прошли, а я не услышал с той стороны ни звука и сильно обеспокоился. Больше всего меня пугало, естественно, то, что вскоре мне придется пойти и постучаться к нему, и какое же огромное облегчение я испытал, услышав наконец оттуда звук открываемой двери и поняв, что он все еще жив.

Я сомневался в том, что узнал бы его на улице. Обычно я шел, погрузившись в собственные мысли, но даже если бы я постарался следить за окружающим, я все равно не знал бы, на что обратить внимание. Высокий он или низенький? Остались ли у него волосы на голове? Я понятия не имел. Но ритм его жизни, его существования я знал и опознавал. Я ощущал тесную связь с ним и, хотя не мог этого знать, был уверен, что так же обстоит дело и с его стороны. Когда мне случалось уронить чашку на кухонный пол, выложенный плиткой, или когда я изредка вдруг принимался петь, то вспоминал о нем. Может быть, он стоит с той стороны и слушает, наклонив голову. Может быть, он однажды постучится ко мне и расскажет, что он обо мне думает.

Да, именно так я и рассуждал. И наверняка это покажется странным, потому что я прекрасно осознаю, что выказываю себя отшельником, но мне никогда не приходило в голову познакомиться со своим невидимым другом. Да и с чего бы нам иметь нечто общее в реальном мире? Мы играли те роли, которые нам были

отведены: два человека, случайно очутившиеся в одном и том же месте в городе, где живет еще двадцать тысяч человек, по большей части не знакомых между собой.

Я никогда не принадлежал к тем, кто нарушает заведенный порядок, и хотя от моей калитки до его было всего двенадцать метров, я совсем не желал их преодолевать.

Агата II

- Такое ощущение, будто я повсюду ношу с собой такой чемоданчик, ну, знаете, баульчик, в каких девочки держат свои игрушки?

Я утвердительно помычал.

- Он закрыт, и я крепко прижимаю его к себе и слежу, чтобы он не открылся. Окружающие видят его и думают, что он набит всякой всячиной – знаниями, положительными качествами, умениями и тому подобными вещами, и пока он закрыт, никто не знает правды. Но вдруг я спотыкаюсь и роняю чемоданчик, он открывается – и в это мгновение всем становится до боли очевидно, что чемодан пуст; в нем абсолютно ничего нет!..

Агата лежала на спине, сложив руки под грудью; глаза ее, пока она говорила, были широко распахнуты. С того места, где я сидел (позади нее и слегка наискосок), я мог наблюдать за малейшим ее движением, в то время как сам я оставался надежно скрытым от ее взгляда. Ее черные ресницы слегка подрагивали, грудь ритмично вздымалась и опускалась, в остальном Агата лежала, не шевелясь.

Речь текла звучно и непринужденно.

- Мгм, – снова бормотнул я. Этого робкого звука, не требовавшего никаких усилий, чаще всего оказывалось более чем достаточно, чтобы пациент заговорил.

– Это ужасно! – Ее голос набрал силу. – Я чувствую себя предателем, которого могут разоблачить в любую минуту, вопрос только в том, кто и когда это сделает. И тогда я остаюсь дома, в постели, и вдруг оказывается, что прошла неделя.

Я прикинул свои возможности. Позволить ей говорить дальше, задать вопрос или вмешаться в ее рассказ. Не найдя ничего разумного сказать, я спросил: – А нет никого, кто бы знал о содержимом вашего чемодана? Ваш муж, например?

– У нас с Юлианом отношения сложные.

– Вот как. – Я попытался зайти с другой стороны: – А что случилось бы, если бы вы сами открыли чемодан, или просто оставили бы его дома и вышли на улицу без него?

Она засмеялась, но исходивший из ее сжатых губ плоский звук не имел ничего общего с радостью.

– С тем же успехом я могла бы просто исчезнуть с лица земли, доктор. Этот чемодан – всё, что у меня есть!

Все эти разговоры о чемоданах были утомительны, колени ныли, в висках давило. Осторожно, чтобы не потревожить Агату, я несколько раз вытянул и согнул ноги. Помогло. Еще семнадцать минут, и я смогу закрыть за ней дверь и порадоваться числу оставшихся мне сеансов, которое с успокаивающей непреклонностью стремилось к нулю.

– Расскажите мне подробнее о том, что, по мнению людей, вы прячете в чемодане, Агата, – попросил я ее с рассеянным видом, пририсовывая вострому воробью в блокноте контуры сломанного крыла.

Кувшинки

Одну из абсолютно худших сторон моей работы составляли беседы с людьми, потерявшими близких. В любой данный момент я предпочел бы иметь дело с

тяжелым паническим состоянием или последствиями трудного детства; со смертью же ничего не поделаешь, и я никогда не знал, как мне вести себя со скорбящим пациентом.

Но если практикуешь половину столетия, неизбежно наступит день, когда месье Ансель-Анри впервые на моей памяти опоздает на прием. Анселя-Анри мучили навязчивые идеи, и обычно его поведение не вызывало ни малейшего нареkania – он приходил и уходил вовремя, отвечал на вопросы, которые ему задавали, а сшитая по фигуре пиджачная пара сидела на нем безупречно, будто логическое продолжение его не-гнувшегося тела. Но только не сегодня.

– Простите, доктор, – пробормотал он, появившись в кабинете чуть ли не на 20 минут позже назначенного часа; волоча ноги, подошел к кушетке и рухнул на нее.

– Добро пожаловать, месье, я уж было отчаялся увидеть вас сегодня, – сказал я, подумывая, не заболел ли Ансель-Анри. Выглядел он так, будто только что проснулся и пришел сюда в той же одежде, в которой спал; бросалось в глаза, что он не причесался и не побрился.

И тут он зарыдал.

– Что-то случилось? – спросил я, но он только потряс головой и зарылся лицом в ладони. Его тело содрогалось от несдерживаемых рыданий. Я посмотрел на него, затем на закрытую дверь, страстно желая позвать мадам Сюррюг. Она сообразит, что предпринять; здесь мы, по всей видимости, имели дело с чем-то, требующим скорее женской заботы, нежели клинического анализа.

Чтобы сделать хоть что-нибудь, я поднялся и взял со стеллажа салфетку из деревянной шкатулки.

Потом кашлянул и сказал: – Я вижу, что вам плохо, но чтобы я сумел вам помочь, вам придется рассказать мне, что именно случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тошнота (франц.).

Купить: https://telnovel.me/boman_anne-katrine/agata

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)